

До такого воинского порядка, о котором мечтал хуторской атаман, было очень далеко, а вот до очень важного сбора, на котором предстояла перемена паев земли, данных в распоряжение казакам, был всего-то один день.

Очень много значил в жизни казака земельный пай, выделенный ему в пользование при одном, самом важном, условии — нести службу по защите Отечества и государя от врагов внешних и внутренних.

В довольствии хутора Швечикова были разные участки земли. Один, расположенный в низине, поближе к Северскому Донцу, самый плодородный, и на нём чернозёмы чуть ли не в аршин толщиной. Поэтому, что ни год, то отличный урожай, но и каждому домохозяину на таком участке доставалось всего по пять десятин. Оттого и образовывалась проклинаемая всеми чересполосица, когда каждый земледелец стремился заполучить свою полосу пая, пусть узкую, всего на десяток загонов для рабочего скота, зато точно плодородную. Были ещё участки земли степной, требовавшей лучшей обработки и удобрений. Они были расположены на взлобках степных бугров, на переломах, возле начинающихся широких балок. Эту часть пая тоже нужно было брать, и засевали такие места в основном яровыми культурами, причём старались сделать это по весне и как можно быстрее, едва только сошёл снег. Недаром же в ходу была пословица: «Сей в грязь, и будешь князь!». До княжеского звания никто не добирался, но благодаря такому земледельческому ухищрению рабочий и домашний скот без корма не оставался.

Были ещё полоски земли, от которых маломощные хозяйства даже отказывались или отдавали в аренду по бросовой цене. Это степные солончаки, глинистые и песчаные места на крутых склонах. Удобрять их было бесполезно, всё смывалось вешними потоками и летними ливнями. Но и такой землёй вынуждены были дорожить. Другой-то не было!

Каждые пять лет нарезанные полоски земли следовало, с соблюдением всех установленных войском правил, менять между казаками. И как бы ни старалось хуторское правление, как бы ни готовились к такому важному делу, но неизменно и всегда были недовольные.

Большая это была тема. Один весь пятилетний срок над своим паем пот проливал, а другой не вывозил ни одной подводы навоза, ни особо полезной золы от пережженных будильев подсолнуха и другой растительности. Не удалял сорняки не только в поле, но и на меже между собой и соседом.

Из года в год ждал такой работник, что природа даст хороший урожай, и без конца сетовал на то, что никудышная земля ему досталась. Хотя соседи давно и правильно определили, что на самом деле было никудышным.

Достаточно глянуть на казачий пай и сразу можно было определить, какой хозяин его держит. У одного при пахоте словно аккуратная причёска на голове, волосок к волоску, так и борозда к борозде, а у другого сплошные огрехи, а там, где заходы плуга, так там не пахота, а царапание земли на полвершка, да ещё и второпях не выправленная. Как тут не вспомнить пословицу: «Глубже пашешь, больше хлеба жуешь». Но лентяи к такой на-

родной мудрости не прислушивались.

В назначенный час воскресного дня хуторяне собрались на майдане. Писарь, проявив свои лучшие способности, художественные в том числе, натянул на каркас из реек большой кусок полотна и вычертил на нём углем контуры земельного хуторского отвода с полосками паёв, подлежащих перемене. Он чуть ли не ежеминутно отходил в сторонку и любовался на своё произведение, словно любитель живописи выискивал в нём новые черты.

Номер жребия, или, как говорили казаки, номер жеребья, был один на все три участка, но, конечно, больше всего переживали за первый, предназначенный для выращивания пшеницы. Не зря же её уважительно называли хлебом. Хотя от зерна в поле до каравая на столе путь ой какой неблизкий!

Красивым почерком писаря были выведены цифры на полосках бумаги, и как только присутствующие убедились, что все номера указаны по порядку, назначенные атаманом малолетки стали их скручивать в тугие трубочки и бросать в большую лохматую папаху.

Поле хлебороба.

Старинный конный плуг.

Некоторые прибывшие на сбор казаки стали выражать своё недовольство ещё до начала жеребьёвки. Отдуживая за руководящую тройку только один писарь. Атамана и его помощника задевать побаивались. Изрядно нетрезвый разбитной казак по прозвищу Тычок, названный так за то, что собеседника при разговоре он тыкал пальцем в грудь, норовя попасть в пуговицу и надавить на неё так, чтобы его повнимательнее слушали, погнав волну возмущения один из первых. Он стал водить пальцем по схеме и выговаривать писарю:

- Ты вот наши угодыя без единой складки, ровнёхонькими изобразил.

Глаз мог и порадоваться, когда бы мы по этим полям не ходили. А где наши балочки с буераками? А где дорога, которая не прямо, а с кособочиной по меже проходит? Каменная гряда почему-то не обозначена, там же ничего не родит! Новшество они удумали. Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Не зря же есть такая пословица.

Писарь недовольно отозвался:

- У нас не бумага, а холстина.

- Да какая разница! Не по уму вы это сделали. Только для внешней красоты. А кому она нужна?

Жребий кидали так. Первым предоставили право его тянуть хуторскому атаману Тимофею Богучарскому. Достался ему лучший пай. Ровный, как стол, рядом с проезжей дорогой, неподалёку — степной ставок, это чтобы скотину сподручней отводить на водопой и самим воду брать для разных нужд.

Сразу за атаманом тянули жребий его помощник и писарь. Так повелось издавна, они же больше всех ратовали за общественные интересы. Те выта-

которая, как гадюка, заползла поближе к сердцу ко многим хуторянам. И было отчего.

Тут же загомонил хуторской сбор.

- Смухлевали наверняка, замощенничали лучшие номерки. Только о себе и думают!

Тычок, только что возмущавшийся жеребьёвкой, вытащив свой номерок рядом с атаманским паем, к тому же, по многолетним наблюдениям, даже лучший по урожайности, возмущаться не стал. А на что же? Лучше уж промолчать.

В маленькой полоске бумаги с синей цифиркой была судьба каждого казака. Для кого добрая, а для кого и злая.

Каждый казак, вытянув свой жребий, шёл к схеме, как на эшафот, и, перекрестившись, разжимал свою ладонь и разворачивал плохо слушающимися пальцами полоску бумаги. Потом находил обозначенный номер и сразу же представлял, где ему предстояло работать в ближайшие пять лет.

Получалось у каждого по-разному. Очень близко к проезжей дороге плохо. Могут скотом потравить посеяв, и когда в сильный дождь начинали телеги развезжаться, то обязательно выбивали стебли поднявшейся пшеницы. Далек от дороги — это тоже плохо, добираться дальше и полевой бивак ставить негде. К леску поближе — вроде хорошо, так нет же, оттуда, от зарослей, столько живности набегают на твой урожай. А далеко от деревьев — так негде скот в тени держать и самим в обед прилечь для отдыха.

Хуторяне знали, что торцевые паны самые удобные. И добираться проще, и разворот для рабочей скотины ничем не стесненный, и в двух шагах на неудобьях можно травы для неё подкосить. На водопой только далековато лошадей с быками гонять.

Однако, в таком важном деле вряд ли всем угодишь. Особенно вечно недовольным жизнью. А таких в хуторе Швечикове так же, как и везде, было немало.

И всё-таки большинство хуторян расхотелись со сбора умиротворёнными.

- Да, молодцы в хуторском правлении. Такую схему придумали, зря мы её ругали, и жребий честно кинули. По нему и жить будем, как и по божьим заповедям.

Заходили казаки в свои курени, на образа крестились и громогласно объявляли домашним свой номер пая и тут же добавляли:

- Как только пережевка пройдёт, съездим туда с иконой, окропим землицу святой водой, а уж опосля своим казачьим потом будем её кропить. По другому не получится.

И действительно, теперь всё зависело только от хлеборобов. Хотя все они считали, что прежде всего — от Бога.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России

Примечания: Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

